

Все атомы в теле Тун Цинхэ кричали о желании оказаться рядом с Цзян Шаочжи, быть заключенным в его широкие, сильные объятия, услышать его утешающий голос, быть окруженным его феромонами.

Он так сильно этого хотел, что лицо его было мокрым от слез и пота. Несколько прядей волос прилипли к бровям и глазам, шея бессильно прижалась к подушке. Он выглядел как маленький, брошенный и беззащитный зверек.

Благодаря действию ингибитора, первая волна брачной лихорадки временно отступила. Лихорадка была подобна морскому приливу — волна за волной, и промежутки между ними были недолгими. Уже через несколько минут могла начаться вторая волна.

Доктор часто переходил из одной комнаты в другую, наблюдая за ними. Старый генерал был беспомощен, стоял снаружи, напряженный и с каменным лицом, не смея даже заглянуть внутрь к двум молодым людям.

Довольно забавно, что старый генерал выбежал наверх, даже не обувшись, а на штанах висела грязь. Внутри дома всегда поддерживалась комфортная температура, так что не было холодно, но именно поэтому никто в доме не видел, чтобы старый генерал стоял у двери, как заботливый отец.

Все слуги были бетами, а для альф старше шестидесяти лет влияние феромонов ослабевало. Пребывание старого генерала за дверью не сильно на него влияло, если не сказать минимально.

Простыни под Тун Цинхэ полностью промокли. Он, шатаясь, побежал к шкафу, вытащил чистую простыню, с трудом застелил ее и, обессиленный, снова лег. Он что-то невнятно бормотал, крепко сжимая коммуникатор в руке. Невольно нажав кнопку, он увидел, что связь установлена. Сдерживаемые до этого слезы снова хлынули из глаз.

— Дядя... — В ушах звенело, и Тун Цинхэ почти не слышал себя, но ему удалось не расплакаться сразу. Отвлекать Цзян Шаочжи сейчас было бы нехорошо.

— Тун-Тун, — На стороне Цзян Шаочжи было шумно, слышались звуки морских волн. После ответа Цзян Шаочжи неясно отдал указания кому-то рядом. Тун Цинхэ, кусая подушку, прислушивался с затуманенным зрением. Он не мог разобрать, что говорят. Он снова поднес коммуникатор ближе к Цзян Шаочжи. Горло Тун Цинхэ сжалось. Он хотел сказать, как ему плохо, но говорить такие вещи в критический момент для Цзян Шаочжи казалось ему слабым и никчемным поступком.

Тун Цинхэ уже был рад до боли в груди, что Цзян Шаочжи смог ответить ему в такой напряженный момент.

Цзян Шаочжи спросил:

— Что ты только что сказал?

Тун Цинхэ, все еще под кайфом, покачал головой:

— Ничего, — Он улыбнулся, большая часть его лица была почти зарыта в подушку. — Продолжай работать, я не буду тебе мешать.

Цзян Шаочжи спросил:

— Почему у тебя такой приглушенный голос?

Тун Цинхэ вытер слезы и соврал:

— Я все еще нежусь в постели, не хочу вставать.

Цзян Шаочжи не стал настаивать и тихо рассмеялся.

Цзян Шаочжи тоже не хотел оставлять Тун Цинхэ одного дома, поэтому единственным каналом связи, который не был прерван, был его личный коммуникатор. Только Тун Цинхэ мог связаться с ним.

— Спи побольше, я вернусь, как только закончу.

Тун Цинхэ ответил: «Угу», что прозвучало еле слышно.

Короткий разговор завершился. Тун Цинхэ прижимал коммуникатор к уху, даже после того, как связь оборвалась. Он словно все еще слышал голос Цзян Шаочжи, держал его, застыв как статуя. Если бы не очередная волна брачной лихорадки, Тун Цинхэ забыл бы о своем положении.

Он сжался под одеялом. Пот обильно выделялся по всему телу, кожа стала словно покрыта маслом или воском.

Учащенное дыхание заглушало все звуки, вызывая головокружение, а на подушке, в месте, где находилась железа на шее, оставалось глубокое влажное пятно.

Доктор снова вошел с аптечкой. Насыщенный аромат жасмина в комнате испугал его. Он снова плотно надел защитную маску. Он умело и быстро подготовил препарат, продезинфицировал кожу вокруг вен Тун Цинхэ, нашел место для инъекции. Глядя на его затуманенные, а затем снова сфокусировавшиеся глаза, доктор вытер ему пот полотенцем.

Доктор сказал:

— Признаков гона нет. Стоит переждать еще одну-две волны брачной лихорадки, и все закончится.

Тун Цинхэ без сил кивнул:

— ... Спасибо, доктор.

Он приподнял веки, пытаясь широко открыть глаза:

— Доктор, как Цзи Вань?

Доктор вздохнул:

— У него гон. Из-за беременности его тело ослаблено, и нежелательно вводить ингибиторы.

Тун Цинхэ резко схватил доктора за палец:

— Тогда что делать?

Обычный гон Омеги может быть смертельным, даже с ингибиторами. У Цзи Ваня сейчас особый период, ему нужно беречь здоровье. Как он переживет гон?

Тун Цинхэ с трудом поднялся, преодолевая слабость и усталость:

— Я пойду посмотрю на него.

Доктор мягко уложил его обратно:

— Тебе лучше сначала отдохнуть, иди к нему, когда восстановишься. Если пойдешь сейчас, его состояние только вызовет у тебя тревогу. Ты сам едва справляешься, как ты сможешь позаботиться о нем?

Совет доктора был разумным. Тун Цинхэ лег обратно в кровать и попросил доктора присмотреть за Цзи Ванем, а о себе пока не беспокоиться.

— Подождите, — Тун Цинхэ глубоко вздохнул. — Оставьте здесь ингибитор. Я смогу сделать укол сам.

Он открыл свои влажные глаза и твердо сказал доктору:

— Цзи Вань нуждается в вас больше, чем я.

Доктор снова побежал к Цзи Ваню. В комнате было тихо, отгорожено от всех звуков. Тун Цинхэ держал коммуникатор перед глазами, снова и снова рассматривая его, и терпеливо вытирал

чистым полотенцем влагу, постоянно выделяющуюся на задней части шеи.

Высокая температура то нарастала, то спадала. Тун Цинхэ посмотрел на флакон ингибитора, оставленный доктором, сглотнул, распечатал его и без колебаний сделал себе третий укол.

Он закрыл глаза и лежал в изножье кровати, ожидая, пока спадет жар. От высокой температуры уголки глаз его покраснели. Спустя неизвестное время, краснота исчезла, и он, мокрый от пота, пошел в ванную, чтобы принять горячий душ.

Тун Цинхэ прикрыл глаза ладонью и всхлипнул, а потом спустя долгое время улыбнулся.

На этот раз он пережил брачную лихорадку без Альфы, самостоятельно. Цзян Шаочжи слишком избаловал его, и Тун Цинхэ думал, что умрет без него.

Приняв горячий душ, Тун Цинхэ почувствовал себя намного лучше. Выйдя из ванной, он увидел, как что-то серое плюхнулось у его ног. Маленький коала, цепляясь когтями за свободные штаны, медленно полз вверх по его ноге.

Маленький коала тихонько скулил. Тун Цинхэ поднял его пушистый зад и взял на руки. Малыш коала мягко и послушно обнял его руку, лежа на спине. Выйдя из комнаты, Тун Цинхэ увидел Старого генерала, напряженно стоящего у двери другой комнаты.

Он спросил:

— Генерал, как там Цзи Вань? — Он посмотрел на маленького коалу. — Извините, а здесь есть свежие листья?

Старый генерал слегка удивился, увидев духовное животное у него на руках, и приказал слугам собрать свежих эвкалиптовых листьев поблизости.

Из комнаты Цзи Ваня доносились слабые звуки. Доктор слегка приоткрыл дверь. Плотный аромат чая тут же вырвался наружу. Тун Цинхэ и Старый генерал инстинктивно отступили на два шага и окружили доктора, расспрашивая о состоянии Цзи Ваня.

Доктор сказал:

— Я дал ему немного лекарства, но эффект небольшой. Я собираюсь увеличить дозу, учитывая его состояние.

Доктор, вздыхая, рассказал Старому генералу и Тун Цинхэ о стойкости Цзи Ваня. Он никогда не видел Омег с такой сильной волей, который в период гона мог принудительно контролировать себя.

Старый генерал нахмурился:

— Сейчас не время для таких разговоров. Не повредит ли это лекарство ребенку и ему самому?

Доктор с трудом кивнул:

— В какой-то степени да, но я постараюсь минимизировать побочные эффекты. Урон от лекарства меньше, чем от ингибиторов или если он будет терпеть сам. Если Омега терпит гон, в тяжелых случаях это может привести к смерти.

Если бы с Цзи Ванем что-то случилось, это была бы двойная смерть.

У Старого генерала выступил пот на висках. Он подтолкнул доктора:

— Идите скорее и дайте ему лекарство.

Тун Цинхэ поспешно спросил:

— Можно мне войти?

Старый генерал не хотел его пускать. Тун Цинхэ обратился за помощью к доктору, который подтвердил, что его брачная лихорадка временно стабилизировалась и не будет никаких проблем.

Цзи Вань был очень закрытым человеком, и, кроме доктора, категорически не хотел, чтобы кто-то видел его в таком состоянии.

Когда Тун Цинхэ вошел в комнату вслед за доктором, беспорядок внутри поразил его. Маленький коала, который тихо сидел у него на руках, словно что-то почувствовал, медленно сполз с его рук, подполз к Цзи Ваню по кровати и лизнул его по щеке.

Хотя Цзи Вань потерял рассудок, он не позволил себе скатиться в полный хаос. Вместо того, чтобы крушить все вокруг, он предпочитал терпеть. Доктор, опасаясь, что он перегрызет себе язык, вставил ему в рот медицинскую капу.

Простыни были смяты. Аромат чая смешивался с запахом влажного пота, из-за чего вся комната казалась душным чайным садом.

Доктор дал Тун Цинхэ кусачки для ногтей, чтобы тот обрезал Цзи Ваню ногти и тот не поцарапал себя.

Цзи Вань наносил урон только себе, он сдерживался и терпел, вымещая все на себя, не кричал, его отторжение внешнего мира было очень сильным, он позволял только доктору давать ему лекарство, а любой другой контакт вызывал явное отступление и самозащиту.

Маленький коала прикоснулся к нему и не был оттолкнут. Это означало, что Цзи Вань не противился утешениям Тун Цинхэ, и Тун Цинхэ был единственным, кто мог заботиться о нем.

Тун Цинхэ, помня инструкции доктора, сначала почистил Цзи Ваню ногти.

Цзи Вань в бессознательном состоянии очень сильно сопротивлялся прикосновениям. Тун Цинхэ несколько раз терпеливо позвал его по имени на ухо, и Цзи Вань сдался. Его тело время от времени содрогалось. В это время Тун Цинхэ и доктор должны были силой удерживать его, не давая ему себя поцарапать.

Цзи Вань бессильно прикрыл свой живот свободной рукой и сказал, что ему очень больно.

У него не было сил даже потереться о простыни, даже дыхание было слабым, таким легким, что казалось, оно вот-вот оборвется.

Когда дыхание Цзи Ваня учащалось, он не мог контролировать себя и кусал губы или руки. Тун Цинхэ, видя это, не мог сдержать беспокойства:

— Цзи Вань, не кусай свои руки.

Цзи Вань ничего не слышал:

— Мне больно, очень больно...

<http://bllate.org/book/4/125>